

I.

Учрежденіе Преображенскаго полка ¹⁾.

(Статья первая).

Въ Троицкомъ походѣ назначены были новые правители министры, пользовавшіеся довѣріемъ Петра и его матери. Нѣкоторые изъ нихъ пользовались особымъ уваженіемъ и даже дружбою Царя; всѣ они служили вѣрно и заслуживаютъ благодарность потомства, какъ первые сподвижники Великаго Государя. Если нѣкоторые изъ нихъ не всегда сочувствовали предпріятіямъ молодого Петра, если даже безпредѣльно преданный ему съ дѣтства Т. Н. Стрешневъ вздыхалъ по Московской старинѣ даже послѣ Полтавской баталіи, если, наконецъ, они большею частью были людьми ограниченнаго образованія, не имѣли блестящихъ талантовъ, случилось даже своею медлительностью выводили изъ терпѣнія пылкаго Государя, требовавшаго быстроты въ исполненіи данныхъ распоряженій, то, съ другой стороны, это были люди испытанной вѣрности, готовые исполнить свой долгъ правителей съ самоотверженіемъ для блага своего Отечества и славы доблестнаго Государя.

Въ Троицкомъ походѣ всѣми дѣлами орудовалъ князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ. И теперь, по достиженіи совершеннолѣтія, назначивъ правителями государства людей преданныхъ, молодой Царь не принялъ въ свои руки бразды правленія: онъ сознавалъ

¹⁾ Одна изъ главъ I тома «Исторіи лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка», приготовленнаго къ изданію.

инстинктивно необходимость обратить всё свои силы и способности на довершеніе начатыхъ имъ дѣлъ, отъ которыхъ былъ насильственно оторванъ—на устройство потышныхъ въ Преображенскомъ и на, покинутое на время, кораблестроеніе на озеръ Плещеевъ. Къ тому же Петръ привыкъ уже съ дѣтства воинское дѣло считать сферою дѣятельности, ему принадлежащей, не вторгаясь въ дѣла брата, котораго онъ почиталъ искренно.

Младшій Царь не торопился принять въ свои руки бразды правленія и по другой причинѣ: онъ сознавалъ скудость своего образованія и ясно видѣлъ, что для разрѣшенія тѣхъ задачъ, которыя наиболѣе интересовали его пытливый умъ и пылкое воображеніе, нужны знающіе люди, которые могли бы научить его тому, чего онъ еще не знаетъ, но что ему знать необходимо, какъ верховному представителю великаго русскаго народа. И Петръ пошелъ искать этихъ *новыхъ* учителей въ Нѣмецкой слободѣ.

Этими новыми учителями 18-ти-лѣтняго Петра были прежде всего генераль Гордонъ, опытный воинъ и отличный администраторъ, и полковникъ Лефортъ, блистательный представитель Нѣмецкой слободы.

Петръ продолжаетъ быть ученикомъ и нести службу въ устроенномъ подъ ихъ руководствомъ Преображенскомъ полку въ званіи *сержанта* и *бомбардира*. Съ помощью ихъ онъ пріобрѣтаетъ свѣдѣнія по тактикѣ, *военной администраціи и военному искусству* по методамъ, усвоеннымъ имъ съ дѣтства опытами и практикою.

Онъ уже не можетъ довольствоваться плаваніемъ по небольшому Плещеевскому озеру и переноситъ свою дѣятельность въ Архангельскъ, гдѣ знакомится съ *настоящими* моряками, плаваешь по Бѣлому морю на *настоящихъ* военныхъ корабляхъ, довольствуясь званіемъ *шкипера*,—и тутъ простые мастера и матросы даютъ Петру первоначальныя понятія о строеніи военныхъ кораблей и объ искусствѣ мореплаванія.

Онъ въ Нѣмецкой слободѣ пріискиваетъ знатоковъ политики и государственнаго устройства и пріобрѣтаетъ отъ нихъ практическія свѣдѣнія изъ государственнаго и международнаго права.

Въ теченіе цѣлыхъ пяти лѣтъ Петръ учится не по книгамъ и учебникамъ, а посредствомъ обмѣна мыслей съ людьми свѣдущими и опытными, много видѣвшими, способными въ своихъ бесѣдахъ съ нимъ разяснять вопросы, возникающіе въ его великомъ умѣ и пылкомъ воображеніи и не дающіе ему покоя.

Въ эти пять лѣтъ Петръ возмужалъ, окрѣпъ духомъ, созрѣлъ умственно и опредѣлился, какъ Преобразователь, по всѣмъ отраслямъ широко раскинувшейся своей дѣятельности, направленной ко благу Отечества.

Проходя новую, болѣе высокую школу, охватывающую его живую воспримчивость въ разнообразныхъ сферахъ познаній, доселѣ ему незнакомыхъ, Петръ остается вѣренъ своей пылкой, воспримчивой природѣ, отлично усвоивъ поговорку отца: «дѣлу время, потѣхъ часъ». Онъ работаетъ, занимается, забавляется и потѣшается.

Бесѣды съ генераломъ Гордономъ объ устройствѣ и содержаніи регулярныхъ войскъ въ Европѣ идутъ параллельно съ устройствомъ изъ Потѣшныхъ Преображенскаго и Семеновскаго полковъ, но при этомъ въ часы досуга, ради отдыха, онъ готовъ въ своей компаніи повеселиться, находя въ дѣлахъ серьезныхъ и смѣшныхъ стороны. Обыкновенныя ученія пѣхоты и конницы по правиламъ устава сопровождаются маневрами, въ то время вошедшими въ употребленіе во всей Европѣ; вѣдь и Карлъ XII посредствомъ маневровъ подготовлялся въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ къ своей боевой карьерѣ. Этотъ способъ пріученія новоустроенныхъ пѣхотныхъ полковъ изъ Потѣшныхъ къ совокупному дѣйствию пѣхоты съ кавалеріей и артилеріей извѣстенъ у насъ подъ названіемъ *потѣшныхъ* походовъ, въ которыхъ у Петра къ дѣлу серьезно примѣшивалось кое-что шуточное, нѣчто комичное. Новые полки, Преображенскій и Семеновскій, маневрируютъ противъ старыхъ стрѣлцкихъ войскъ; первыми командуетъ «король стольнаго города Прешпурха» — князь Ромодановскій, послѣдними «король польскій», Бутурлинъ; первые непременно должны побѣдить послѣднихъ. Но ни тотъ, ни другой не были свѣдущими полководцами. Царскіе пѣвчіе, подъ командою шута Тургенева, ведутъ войну противъ подъячихъ.

Въ кавалеріи встрѣчаемъ сотню карловъ, отряды «нахаловъ» и «палетовъ»... При штурмѣ укрѣпленія у солдатъ въ ходу не только ручныя гранаты, но и пожарныя трубы, обливающія водою людей, обороняющихъ валъ. Приходятъ на память древнія былины, и на сцену выводится поединокъ одного полководца противъ другого.

За дѣломъ слѣдуетъ пирушка, и столовая Потѣшнаго городка наполняется веселой компаніей сержантовъ и бомбардировъ Преображенскаго полка; съ ними пируетъ Петръ, одѣтый, какъ и они, въ сержантскій кафтанъ. Передъ нами выступаетъ герой предста-

витель древней дружины, только въ новой обстановкѣ, съ новыми болѣе возвышенными идеалами...

Въ Переславлѣ Залѣскомъ, на берегу своего «маленькаго моря», съ открытіемъ навигаціи Петръ трудится, работаетъ серьезно надъ постройкой кораблей, создаетъ будущій флотъ, не зная, на какомъ морѣ и противъ какого непріятели онъ будетъ дѣйствовать. У него въ Переславлѣ адмиральскій корабль, на которомъ адмираломъ любимецъ его, Лефорть, не бывшій никогда морякомъ; корабль разукрашенъ, на немъ будутъ превосходные матросы голландцы и не менѣе прекрасный капитанъ—самъ Царь... Но этотъ корабль, построенный съ такимъ стараніемъ и приприсовѣшій столько радостей 20-ти-лѣтнему юношѣ, никогда не увидитъ настоящаго моря: спустя 30 лѣтъ, Петръ съ горестью найдетъ жалкіе его остатки.

Отъ озера Плещеева въ 1693 году Петръ переносится на Бѣлое море и тамъ находитъ то, чего искалъ его гепій.

Онъ отпросился у матери и отправился въ Архангельскъ, чтобы только взглянуть на иностранные корабли, обѣщаясь не ходить въ бурное море. Но не утерпѣлъ, не могъ сдержать обѣщанія. Для того только, чтобы встрѣтить купленный въ Амстердамѣ военный корабль, онъ пускается въ опасное путешествіе по Бѣлому морю, рискуя погибнуть въ бушующихъ его волнахъ. Онъ готовъ служить на этомъ кораблѣ солдатомъ, если имъ будетъ командовать Лефорть. На улицахъ Архангельска онъ прогуливается въ одеждѣ голландскаго шкипера, и его видятъ въ кабачкѣ, опустошающимъ бутылки съ товарищами голландцами...

Въ 1693 году въ Преображенскомъ у Петра уже не Потѣшныя, а настоящіе солдаты, а въ слѣдующемъ 1694 году онъ везетъ въ Архангельскъ на многихъ судахъ большую свиту съ бомбардирами и Преображенскими солдатами. У него имѣются адмиралъ — князь Ромодановскій, вице-адмиралъ—Бутурлинъ, копрть-адмиралъ—Гордонъ, изъ которыхъ двое первыхъ никогда даже не вступали на палубу корабля, а Гордонъ имѣлъ отвращеніе къ коварной стихіи и очень радъ былъ оставаться на мѣстѣ, чтобы написать планъ и инструкціи для предстоящаго въ томъ же году Кожуховскаго похода. Самъ же Петръ въ скромномъ званіи шкипера готовъ нестись съ голландцами на ихъ корабляхъ на край свѣта... Впереди еще много, очень много дѣла, чтобы овладѣть наукой кораблестроенія, умѣть строить такіе же корабли, какіе ему показали иноземцы въ Архангельскѣ.

Съ Потѣшнымъ городкомъ, съ первой его фортеціей, познакомившей Петра съ первыми опытами военнаго искусства въ его юношескіе годы, стало то же, что и съ кораблями на Плещеевскомъ озерѣ. Прошло не болѣе года послѣ кончины Великаго Государя, какъ уже писали о немъ: «У городка-де полою водою и льдомъ и многимъ лѣсомъ, который несло сверху по рѣкѣ, переднюю стѣну земляную куртину размыло и подъемный мостъ съ перилами и желѣзными цѣпями и около того городка обрубы свай и подставки все выломало и разнесло и въ столовой и въ другихъ свѣтлицахъ и въ сѣняхъ и въ рундуки, и лѣстницы и въ воротахъ мосты выломало и городовыя стѣны и башни всѣ подмыло и покачнулись и кровли всѣ попортило...», а черезъ три-четыре года, по беззаботности современниковъ, тутъ были уже развалины! ¹⁾).

Исчезъ городокъ, но Петръ оставилъ намъ крѣпости на Невѣ и противъ ея устья, съ новой столицей Россійскаго государства.

Въ знакомствѣ и сближеніи Петра съ генераломъ Гордономъ и полковникомъ Лефортомъ, въ устройствѣ изъ потѣшныхъ — солдатскихъ полковъ, въ постройкахъ кораблей на озерѣ Плещеевѣ, въ поѣздкахъ на Бѣлое море, въ принятіи Царемъ скромныхъ званій сержанта Преображенскаго полка, и проч. — нѣкоторые видятъ не болѣе какъ простое проявленіе фантазіи Петра. Такой взглядъ на дѣятельность Петра отъ 18-ти до 22-хъ лѣтъ не вѣренъ. Въ общемъ всѣ его дѣйствія нельзя объяснить себѣ одними только свойствами характера великаго человѣка; въ нихъ выражается неуклонное инстинктивное стремленіе генія выбиться самому и вывести свой народъ изъ коленъ прошедшаго, въ которой увязла, какъ въ сыпучемъ пескѣ, жизнь его предковъ и чтобы выдти на дорогу, которая обѣщаетъ привести въ будущемъ къ чему-то новому, заманчивому, захватывающему великій умъ и мощный духъ генія...

Обратимся къ фактамъ. Начнемъ съ характеристики новыхъ учителей Петра, войдемъ вмѣстѣ съ нимъ въ Нѣмецкую слободу. Потомъ посмотримъ на плоды его дѣятельности въ устройствѣ Преображенскаго полка, познакомимся съ его новыми сотрудниками и съ потѣшными походами, составлявшими, по понятіямъ вѣка, вѣнецъ подготовки къ военному дѣлу.

Генералъ Гордонъ и полковникъ Лефортъ. Патрикъ Гордонъ испыталъ много превратностей въ своей жизни, приобрѣлъ разно-

¹⁾ Дворц. Арх. «Извѣстіе 1729 г. о городкѣ въ Преображенскомъ селѣ на островѣ р. Дузы».

стороннія свѣдѣнія о военномъ дѣлѣ на службѣ и въ бояхъ и отличался высокими нравственными качествами, дѣлавшими имя его популярнымъ между жителями Нѣмецкой слободы. Въ немъ Петръ пріобрѣталъ полезнаго наставника и свѣдущаго руководителя, особенно въ дѣлѣ устройства войскъ.

Родиною Гордона была Шотландія. Съ 6-ти-лѣтняго возраста онъ, вмѣстѣ съ старшимъ братомъ, посѣщаль сельскую школу, рассчитывалъ поступить въ университетъ, но во время революціи, какъ католикъ, подвергся гоненію со стороны республиканскаго правительства и въ 1651 году, на 16-мъ году жизни, не рассчитывая, какъ младшій сынъ, получить наслѣдство, удалился изъ Шотландіи и очутился въ Пруссіи у іезуитовъ, въ Браунсбургской коллегіи. Черезъ два года онъ рѣшился бѣжать оттуда, имѣя лишь нѣсколько талеровъ денегъ, одежду ученика іезуитскаго ордена, нѣсколько бѣлья и небольшое число книгъ. Много выпало на его долю приключеній, прежде чѣмъ онъ поступилъ въ шведскую военную службу кавалеристомъ, имѣя 18-ть лѣтъ отъ роду.

Находясь въ Швеціи, онъ имѣлъ случай познакомиться со шведскими регулярными войсками, которыя считались лучшими въ Европѣ. Въ 1660 году ему привелось участвовать въ бояхъ поляковъ съ русскими у Любаре и при Чудновѣ, гдѣ онъ былъ очевидцемъ пораженія Шереметева. Во время переговоровъ о размѣнѣ плѣнныхъ, русскій дипломатическій агентъ Леонтьевъ познакомился съ Гордономъ, о которомъ плѣнные русскіе офицеры отзывались съ особою похвалою, и предложилъ ему поступить на русскую службу на три года съ чиномъ маіора. Гордонъ, имѣвшій приглашеніе поступить на службу въ австрійскія войска, колебался, но Леонтьевъ и находившійся въ русской службѣ полковникъ Крофурдъ (Crawfuirde) уговорили его переѣхать въ Москву.

Въ то время въ Россіи было особенно много шотландцевъ—роялистовъ и католиковъ, посвятившихъ себя военной службѣ. Гордонъ условился поступить на три года, но, благодаря боевой опытности, пріобрѣтеннымъ военнымъ познаніямъ и привлекательнымъ чертамъ характера, пріобрѣлъ много друзей между русскими начальниками и остался въ русскомъ войскѣ около 38 лѣтъ, т. е. до могилы.

Боевая репутація Гордона упрочилась въ Чигиринскихъ походахъ, когда онъ пріобрѣлъ довѣріе и расположеніе нѣкоторыхъ русскихъ начальниковъ, особенно князя Василя Васильевича Голицына, которому суждено было занять высокое положеніе въ прав-

леніе Царевны Софіи. За службу въ Чигиринѣ Гордонъ былъ произведевъ въ генераль-маіоры и съ того времени до самой смерти, въ теченіе двадцати одного года, пользовался репутаціей выдающагося военнаго начальника — свѣдущаго, распорядительнаго, мужественнаго, умѣвшаго содержать вѣрныя части въ строгой дисциплинѣ.

Сближеніе сторонниковъ Петра съ Гордономъ стало замѣтнымъ послѣ перваго похода съ осени 1688 года, т. е. за годъ до переворота, освободившаго младшаго Царя отъ пасильственной опеки Царевны Софіи. Гордонъ зналъ о существованіи враждебной Петру партіи, но мнѣній своихъ въ «Дневникѣ» не высказывалъ. Только факты обнаруживаютъ, что онъ не былъ и не могъ быть ни сторонникомъ Царевны Софіи, ни партизаномъ князя Василія Васильевича Голлицына. Его выжидательныя дѣйствія, со времени удаленія Петра изъ Преображенскаго въ Троицкій монастырь и до конца августа, воишлѣ оправдываются обстоятельствами. Иначе не могъ поступить начальникъ, непосредственно подчиненный иноземному приказу, а этимъ приказомъ вѣдалъ князь Голлицынъ, отъ котораго Гордонъ получилъ повелѣніе, именемъ правительства, подъ страхомъ смертной казни, не двгаться въ лавру. Гордонъ, какъ и прочіе иноземцы, хорошо сознавалъ на чьей сторонѣ право и на чьей сторонѣ насильственный захватъ власти, но какъ иноземный генераль, онъ не могъ по собственной инициативѣ открыто вступить за правое дѣло. Положеніе Гордона, занимавшаго первенствующую роль въ Нѣмецкой слободѣ и состоявшаго въ качествѣ шефа Бутырскаго полка, въ данныхъ обстоятельствахъ было въ высшей степени тягостнымъ, такъ какъ рѣшеніе его, по удаленіи Петра изъ Преображенскаго, немедленно идти съ полкомъ въ Троицкій монастырь могло повести къ кровопролитію, котораго всѣми способами желали избѣгнуть князь Борисъ Алексѣевичъ Голлицынъ и сторонники Петра и его матери, Наталіи Кириловны, зная, на что способны толпы стрѣльцовъ, возбужденныя подстрекательствами. Когда же 27-го августа пришла грамота отъ Троицы въ стрѣлецкіе полки, въ гостинную и черную сотни, и въ дворцовыя слободы съ повелѣніемъ, чтобы всѣ полковники и начальныя люди съ 10-ю рядовыми изъ каждаго полка немедленно явились къ Троицѣ, тогда многіе стрѣльцы, повинуваясь Царскому указу, двинулись изъ Москвы къ лаврѣ.

Нѣсколько позже, 2-го сентября, *нѣкоторыя лица* Нѣмецкой слободы, съ согласія Гордона, можетъ быть, и по его распоряже-

нію, отправились въ Троицу, тогда онъ поручилъ *одному изъ этихъ лицъ, пользовавшемуся его довѣріемъ*, доложить Царю, что иноземцы вообще не знаютъ, будетъ ли ему пріятель ихъ приходъ, или нѣтъ. Черезъ день, 4-го сентября, въ Пѣмецкой слободѣ явилась запечатанная царская грамота, помѣченная 31-мъ августа, съ надписью: «генераламъ, полковникамъ и прочимъ офицерамъ». Грамота эта представлена Гордону, какъ старшему и самому вліятельному лицу въ слободѣ. Онъ пригласилъ къ себѣ генерала (какого — неизвѣстно) и полковниковъ и, распечатавъ конвертъ въ ихъ присутствіи, прочелъ грамоту съ подробнымъ изложеніемъ мотивовъ измѣны и замысловъ Шакловитаго и повелѣніемъ немедленно прибыть въ Троицу къ Его Величеству *всѣмъ* иностраннымъ генераламъ и офицерамъ. Только теперь Гордонъ и иноземные офицеры сочли себя обязанными идти въ лавру, какъ бы ни отнеслись къ такому рѣшенію Царевна Софія и князь В. В. Голицынъ. Послѣднему было сообщено о Высочайшемъ повелѣніи въ порядкѣ службы, только для свѣдѣнія, и Гордонъ, не дождавшись отвѣта отъ начальника иноземнаго приказа, въ тотъ же вечеръ отправился съ ввѣреннымъ ему полкомъ и съ иноземцами въ Троицу ¹⁾).

Прибытіе Гордона съ иноземцами было рѣшительнымъ переломомъ, ибо на другой же день Царевна Софія вынуждена была выдать Шакловитаго; кризисъ разрѣшился безъ пролитія одной капли крови, и Петръ никогда не забывалъ такой услуги Гордона.

Со времени Троицкаго похода генераль Гордонъ становится главнымъ наставникомъ, а вмѣстѣ и сотрудникомъ молодого Государя въ дѣлѣ военной организаціи, въ технику военного дѣла, вообще въ военномъ искусствѣ. Съ устройствомъ войскъ въ разныхъ государствахъ и съ образомъ ихъ дѣйствій онъ продолжалъ знакомиться изъ сочиненій, выписываемыхъ изъ-за границы. Отли-

¹⁾ Историки на этотъ фактъ смотрятъ различно: Устряловъ находитъ, что при такомъ положеніи дѣлъ иноземцамъ ничего болѣе не оставалось, какъ отправиться въ лавру, но при этомъ добавляетъ: «Велика была бы ихъ заслуга, если бы они явились къ Петру за три недѣли передъ тѣмъ, по первому (?) призыву; но теперь они спасали только свои собственныя головы». «Устряловъ», т. II, 74.—Нѣкоторые находятъ, что Гордонъ *измѣнилъ* Царевнѣ Софіи и Голицыну; мысль неосновательная: во-первыхъ, Гордонъ никогда не былъ сторонникомъ Царевны Софіи и временщика, во-вторыхъ, Петръ былъ законнымъ Государемъ, которому обязаны были повиновеніемъ и Царевна Софія, и Голицынъ. Право было на сторонѣ Петра, а Гордонъ по своимъ нравственнымъ качествамъ не способенъ былъ нарушать клятвы.

чительныя черты его характера: предусмотрительность, осторожность и скромность, украшались зрѣлымъ умомъ, опытностью и знаніемъ военнаго дѣла. «Величаемый отъ Государя «батюшкой», почитаемый боярами, чествуемый думными, любезный благороднымъ, любимый простымъ народомъ, Гордонъ пользовался такимъ всеобщимъ уваженіемъ, что едва ли какой-нибудь иноземецъ могъ когда-либо рассчитывать на подобный успѣхъ»¹⁾).

Человѣкъ съ подобными высокими качествами, при испытанной храбрости, былъ особенно дорогъ для руководства и совѣта при молодомъ Царѣ, едва достигшемъ *17-ти лѣтъ*, когда у него явилось желаніе войти въ общеніе съ иноземцами, для ознакомленія съ дѣломъ, ближе всего его интересовавшимъ.

Первые шаги дѣятельности стараго генерала, послѣ приближенія къ молодому Царю, выразились, какъ ниже увидимъ, устройствомъ и обученіемъ Потѣшныхъ. Хотя съ конца 1692 года болѣе приближеннымъ къ Петру становится Лефорть, по отношенія Петра къ Гордону остались попрежнему дружескія до конца жизни послѣдствія²⁾).

Другое значеніе для Петра имѣлъ женевецъ Лефорть, о которомъ у насъ существовали разнообразныя мнѣнія до появленія его біографіи, составленной Поссельтомъ на нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ: «Der General und Admiral Franz Lefort». Поссельтъ подтвердилъ доказательства Устрялова, что Петръ узналъ Лефорта не ранѣе Троицкаго похода 1689 года, и что, слѣдовательно, онъ не могъ имѣть никакого вліянія на первоначальное устройство Потѣшныхъ.

По свидѣтельству Корба, Лефорть съ немногими поспѣшилъ къ Троицѣ въ то опасное время, когда многіе колебались, чью

¹⁾ Иоаннъ Георгъ Корбъ. «Дневникъ» въ переводѣ съ латинскаго Женева и Семевакаго, стр. 300 и 301.—«Расположеніе московитянъ къ Гордону», присовокупляетъ Корбъ, «было такъ велико, что во время внутреннихъ смуть домъ этого человѣка былъ для самыхъ даже туземцевъ безопаснымъ и спокойнымъ убѣжищемъ».

²⁾ Брикнеръ. «Патрикъ Гордонъ и его дневникъ». Спб., 1878 г.—Устряловъ недостаточно цѣнитъ образованіе Гордона вообще. Напротивъ, Гордонъ былъ многосторонне образованнымъ человѣкомъ и гораздо болѣе, чѣмъ Лефорть, могъ быть наставникомъ Петра и посредникомъ въ его сближеніи съ европейской культурой (стр. 78 и 79). Впрочемъ, хотя Устряловъ (т. II, стр. 122—125) въ своей характеристикѣ представляетъ Гордона малосвѣдущимъ, однако, въ заключеніе говорить, что онъ былъ Петру дорогъ и незамѣнимъ, такъ какъ обладалъ множествомъ практическихъ свѣдѣній объ устройствѣ войскъ регулярныхъ и былъ отличнымъ боевымъ генераломъ.

принять сторону, не зная, чѣмъ кончится буря и кому достанется власть господства; такую преданностью и самоотверженіемъ онъ пріобрѣлъ любовь Царя... Къ этому свидѣтельству, хотя оно основано только на слухахъ, присоединяется и Устряловъ ¹⁾; но Поссельтъ говоритъ, что Лефортъ могъ прибыть въ Троицкій монастырь не ранѣе 5-го сентября, т. е. со всѣми иноземцами и генераломъ Гордономъ ²⁾).

Такъ или иначе, но еще въ концѣ 1690 года Лефортъ не считывалъ на особенныя выгоды служить въ Россіи, хотя и пользовался, по словамъ Бутенанта, расположеніемъ Петра, а спустя не болѣе года тотъ же пріятель Лефорта, Бутенантъ, писалъ въ Женеву къ его брату: «Возвышеніе вашего брата на высокую степень фортуны происходитъ болѣе отъ его личной доброты и великодушія, чѣмъ отъ нашей рекомендаціи... въ настоящее время онъ такъ возвысился, что его теперь можно считать первымъ любимцемъ нашего великодушнаго Монарха» ³⁾).

Причиной быстрого сближенія Петра съ Лефортомъ и возвышенія сего послѣдняго были личныя качества женевца, которыми онъ очаровалъ молодого Государя и сумѣлъ пріобрѣсти неограниченное его довѣріе, въ такое время, когда ему пужны были совѣтники и сотрудники, способные переносить всякаго рода тягости и лишенія.

До сихъ поръ Лефортъ не выдѣлялся отъ прочихъ иноземцевъ ни особенными военными заслугами, ни образованіемъ, но онъ умѣлъ спискать расположеніе къ себѣ въ Нѣмецкой слободѣ и между русскими вельможами беззаботною веселостью, добротою сердца, ловкостью и смѣлостью. Онъ съ особенною ловкостью дѣлалъ ружейные приемы, былъ отличнымъ стрѣлкомъ, ловкимъ фехтовальщикомъ и наѣзникомъ. Былъ притомъ отличнымъ танцоромъ и въ кругу дамъ Нѣмецкой слободы пользовался общою любовью. Большую пользу приносило ему также знакомство съ языками французскимъ, италіанскимъ, голландскимъ и англійскимъ, а служба въ Россіи, онъ изучилъ еще языки нѣмецкій и русскій. Такимъ образомъ, Лефортъ могъ объясняться съ русскими на природномъ ихъ языкѣ. Какъ свободно мыслящій протестантъ, республиканецъ по рожденію и воспитанію, Лефортъ былъ склоненъ

¹⁾ Устряловъ. Т. II, стр. 22 и примѣчаніе 7-е, стр. 325. ²⁾ Posselt, II, S. 8, 9. ³⁾ Posselt, II, S. ? Письма Бутенанта, отъ 5-го января и 12-го декабря 1691 года.

къ либеральнымъ учрежденіямъ, относясь къ религіознымъ убѣжденіямъ православныхъ туземцевъ безъ того фанатизма, какимъ отличались ярые паписты, къ числу которыхъ принадлежалъ старый генераль Гордонъ, отличавшійся ригоризмомъ своихъ политическихъ и религіозныхъ убѣжденій.

Наши историки Карамзинъ и Устряловъ представляютъ Лефорта человекомъ, дурно воспитаннымъ, искателемъ приключеній, ловкимъ спекулянтномъ, измѣнившимъ своему патрону (князю Голицыну), круглымъ невѣждою, а французскій писатель Валишевскій называетъ его просто «бродягою», составившимъ себѣ карьеру шатаніемъ по переднимъ и кухнямъ у датскаго и голландскаго резидентовъ, а затѣмъ жепитьбою на родственницѣ Гордона ¹⁾. Такими отрицательными качествами, говорятъ, Лефортъ могъ только вредить Петру, приучая его къ дебошамъ и т. п. Карамзинъ въ сближеніи Петра съ Лефортомъ видѣлъ несчастье: Лефортъ говорилъ Петру о русскихъ обычаяхъ съ презрѣніемъ, а все европейское возвышалъ до небесъ ²⁾. Но въ этихъ сужденіяхъ многое или несправедливо или слишкомъ преувеличено.

Жизнь Лефорта, по пріѣздѣ въ Россію, проходила также, какъ и житье-бытье сотни иностранцевъ, явившихся въ Москву искать службы въ войскахъ.

Въ первомъ Крымскомъ походѣ подполковникъ Лефортъ находился въ составѣ 2-го выборнаго Бутырскаго полка, опять подъ командою Гордона, а во второмъ Крымскомъ походѣ онъ уже въ чинѣ полковника командовалъ Елецкимъ полкомъ. По окончаніи перваго похода Лефортъ, вмѣстѣ съ Страсбургомъ, представился младшему Царю въ с. Преображенскомъ; затѣмъ Лефортъ посѣтилъ князя Бориса Алексѣевича Голицына, который обошелся съ нимъ очень любезно и пригласилъ къ себѣ обѣдать, а послѣ обѣда самъ посѣтилъ Лефорта. Не менѣе внимателенъ къ нему былъ и князь Василій Васильевичъ Голицынъ. Какъ видно, Лефортъ усердно заботился о пріобрѣтеніи расположенія къ себѣ обоихъ князей Голицыныхъ. Въ одномъ изъ писемъ выражена его просьба, чтобы сенатъ республики, для успѣха въ дальнѣйшемъ повышеніи, рекомендовалъ его обоимъ князьямъ Голицынымъ: «aux deux premiers ministres de cette Cour, les Princes de Galizin» ³⁾. Лефортъ

¹⁾ Waliszewski. «Pierre le Grand». Livre II. A l'école du monde civilisé, p. 58—60. ²⁾ Карамзинъ. «О древней и новой Россіи». ³⁾ Posselt, т. II, у него въ приложеніи III, письмо отъ 8-го октября 1686 г. На это письмо отвѣтъ князя В. В. Голицына отъ 2-го марта 1689 г., у него въ приложеніи IV.—Тутъ,

къ либеральнымъ учрежденіямъ, относясь къ религіознымъ убѣжденіямъ православныхъ туземцевъ безъ того фанатизма, какимъ отличались ярые паписты, къ числу которыхъ принадлежалъ старый генераль Гордонъ, отличавшійся ригоризмомъ своихъ политическихъ и религіозныхъ убѣжденій.

Наши историки Карамзинъ и Устряловъ представляютъ Лефорта человекомъ, дурно воспитаннымъ, искателемъ приключеній, ловкимъ спекулянтномъ, измѣнившимъ своему патрону (князю Голицыну), круглымъ невѣждою, а французскій писатель Валишевскій называетъ его просто «бродягою», составившимъ себѣ карьеру шатаніемъ по переднимъ и кухнямъ у датскаго и голландскаго резидентовъ, а затѣмъ жепитьбою на родственницѣ Гордона ¹⁾. Такими отрицательными качествами, говорятъ, Лефортъ могъ только вредить Петру, приучая его къ дебошамъ и т. п. Карамзинъ въ сближеніи Петра съ Лефортомъ видѣлъ несчастіе: Лефортъ говорилъ Петру о русскихъ обычаяхъ съ презрѣніемъ, а все европейское возвышалъ до небесъ ²⁾. Но въ этихъ сужденіяхъ многое или несправедливо или слишкомъ преувеличено.

Жизнь Лефорта, по пріѣздѣ въ Россію, проходила также, какъ и житье-бытье сотни иностранцевъ, явившихся въ Москву искать службы въ войскахъ.

Въ первомъ Крымскомъ походѣ подполковникъ Лефортъ находился въ составѣ 2-го выборнаго Бутырскаго полка, опять подъ командою Гордона, а во второмъ Крымскомъ походѣ онъ уже вчинѣ полковника командовалъ Елецкимъ полкомъ. По окончаніи перваго похода Лефортъ, вмѣстѣ съ Страсбургомъ, представился младшему Царю въ с. Преображенскомъ; затѣмъ Лефортъ посѣтилъ князя Бориса Алексѣевича Голицына, который обошелся съ нимъ очень любезно и пригласилъ къ себѣ обѣдать, а послѣ обѣда самъ посѣтилъ Лефорта. Не менѣе внимателенъ къ нему былъ и князь Василій Васильевичъ Голицынъ. Какъ видно, Лефортъ усердно заботился о пріобрѣтеніи расположенія къ себѣ обоихъ князей Голицыныхъ. Въ одномъ изъ писемъ выражена его просьба, чтобы сенатъ республики, для успѣха въ дальнѣйшемъ повышеніи, рекомендовалъ его обоимъ князьямъ Голицынымъ: «aux deux premiers ministres de cette Cour, les Princes de Galizin» ³⁾. Лефортъ

¹⁾ Waliszewski. «Pierre le Grand». Livre II. A l'école du monde civilisé, p. 58—60. ²⁾ Карамзинъ. «О древней и новой Россіи». ³⁾ Posselt, т. II, у него въ приложеніи III, письмо отъ 8-го октября 1686 г. На это письмо отвѣтъ князя В. В. Голицына отъ 2-го марта 1689 г., у него въ приложеніи IV.—Тутъ,

не былъ единственнымъ иностранцемъ, который добивался милостей у сильныхъ міра сего, особенно въ то время, когда цѣнились люди почти всегда не по заслугамъ, а по происхожденію.

Лефортъ былъ также близокъ и къ стольнику Якову Долгорукому, тому самому, который привезъ Петру астроліабію и пользовался его особымъ вниманіемъ ¹⁾. Долгорукій говорилъ съ Петромъ о благосостояніи голландцевъ, умѣлъ представить въ надлежащемъ свѣтѣ государственныя учрежденія въ Голландіи, устройство и порядокъ въ городахъ, прославлялъ общественный бытъ. Фанъ-Келлеръ писалъ о немъ, что «это князь одинъ изъ самыхъ разумныхъ и выдающихся людей (ausgezeichnet), какихъ я знаю, а братъ его, который меня часто посѣщаетъ, можетъ служить образцомъ скромности и добродѣтели для молодыхъ русскихъ вельможъ, вообще дурно воспитанныхъ, не занимающихся никакою работою, ничего не изучающихъ» ²⁾.

Такимъ образомъ, въ домѣ Лефорта, на берегу Яузы, за два года до знакомства съ Петромъ, собирались не одни только охотники къ пирушкамъ. Многіе изъ молодыхъ вельможъ, сторонниковъ Петра, находили особое удовольствіе посѣщать гостепріимный домъ женева. На замѣчаніе брата Ами, что, ведя открытую жизнь, онъ дѣлаетъ долги, Лефортъ отвѣчалъ 20-го марта 1686 г., между прочимъ, что «то немное, чѣмъ я обзавелся, находится не въ моей власти, ибо наши князья, какъ старые, такъ и молодые, оказываютъ мнѣ честь своими посѣщеніями. Даже, когда меня не бываетъ дома, они собираются покурить и выпить, какъ и въ моемъ присутствіи. Осмѣливаюсь вамъ сказать, что здѣсь нигдѣ это не устроено такъ хорошо, «какъ у меня» ³⁾.

Не однѣ бесѣды въ пріятной компаніи бывалыхъ иностранцевъ, за кружкой вина и въ табачномъ чаду привлекали русскихъ людей, особенно изъ молодежи, въ Нѣмецкую слободу.

между прочимъ, сказано: «Гражданинъ вашей страны за свою вѣрную, похвальную и рыцарскую службу ихъ Величествамъ заслужилъ особенную милость и признанъ достойнымъ повышенія, и онъ пожалованъ въ высокій чинъ полковника». См. замѣчаніе Устрялова (т. II, стр. 16) по поводу этой переписки, обнаруживающей стремленіе Лефорта «привлечь къ себѣ вниманіе любима, отъ котораго все зависѣло».

¹⁾ «Welchen (Долгорукаго) er (Лефортъ) sehr braven Mann nannte, rechnete er zu seinen Freunden und pflog mit ihm wie seinen Brüdern ein häufigen Umgang». Posselt, I, 381. ²⁾ Posselt, I, 388. Письмо фанъ-Келлера отъ 22-го іюня 1688 года. ³⁾ Posselt, I, 382.—Куреніе табаку, запрещенное законами Царя Александра Михайловича (по Уложенію 1649 г.), привлекало въ слободу многихъ.

Нѣмецкая слобода ¹⁾. Еще при Іоаннѣ Васильевичѣ на правомъ берегу Яузы были поселены особою слободою иноземцы разныхъ вѣръ и націй, преимущественно плѣнники и выходцы изъ Ливоніи; они такъ разбогатѣли, писалъ Маржереть, продажею вина, пива и меду, что жены ихъ могли носить шелковыя и бархатныя платья. Послѣ разоренія Москвы въ смутное время слобода запустѣла, и иностранцы, призываемые на службу Царемъ Михаиломъ Теодоровичемъ, равно какъ и торговые «нѣмецкіе люди», селились въ разныхъ частяхъ столицы, болѣе въ Замоскворѣчьи и на Покровкѣ.

Изъ центральной Европы послѣ тридцатилѣтней войны, изъ Англіи и Шотландіи, во время релігіозныхъ и политическихъ смуть, уходили, оставляя свое отечество, и направлялись въ Московію сухимъ путемъ и моремъ, на корабляхъ, толпами голландцы, шотландцы, англичане, германцы, скандинавы и находили гостепрѣимство у Царя Московскаго Алексѣя Михайловича; особенно охотно принимали въ Россіи военныхъ людей для устройства полковъ иноземнаго строя, солдатскихъ и рейтарскихъ. Были надобны также доктора и хирурги. Мастера и ремесленники для пушкарскаго, оружейнаго и сабельнаго дѣла считались необходимыми людьми для литья пушекъ и отдѣлки оружія на «нѣмецкій» образецъ.

Для большаго удобства въ надзорѣ за выѣзжими служилыми иноземцами признано было необходимымъ въ 1651 году иноземцевъ, кромѣ немногихъ докторовъ и гостей, выселить за Земляной городъ, на правый берегъ Яузы, «гдѣ бывала старая Иноземная слобода», и отвести имъ земли для селитьбы.

Каждому отводили отъ 10 саж. вдоль и по 8 саж. поперекъ, до 40 саж. вдоль и 20 саж. поперекъ, смотря по статьямъ и званію. Мейерберъ, видѣвшій слободу лѣтъ черезъ десять послѣ ея основанія, нашель пространство между ручьемъ Кокуемъ и рѣкою Яузою застроеннымъ красивыми деревянными домами, въ видѣ большаго многолюднаго села, раздѣленнаго широкими улицами на нѣсколько частей, съ садами и огородами. Оно названо было Новоиноземною слободою, но въ общежитіи именовалось *Нѣмецкою слободою*.

¹⁾ О Нѣмецкой слободѣ писали: Устряловъ, т. II, стр. 107—112. Posselt, II, 23—35. Waliszewski, 15—17, 61. Все эти свидѣнія основываются на свидѣтельствахъ иностранцевъ, посѣщавшихъ Москву: Маржерета, Мейербера, Озарія, Таннера и другихъ, а также на «Дневникѣ» Гордона.

Въ слободѣ жили иноземцы разныхъ христіанскихъ исповѣданій, нарѣчій, состояній и званій: генералы, полковники, офицеры и сержанты; мастера золотыхъ и алмазныхъ дѣлъ, часовыхъ и сабельныхъ дѣлъ; доктора, хирурги и аптекари или алхимики; гости и мелочные торговцы; учителя и артисты. У лютеранъ, составлявшихъ большинство, были двѣ кирки съ тремя пасторами; у реформатовъ и кальвинистовъ по одной киркѣ; менѣе другихъ въ слободѣ было католиковъ, которые не имѣли своего священника, и для исправленія разныхъ требъ обращались къ реформатскому пастору, или къ іезуитамъ, пріѣхавшимъ съ польскими или цесарскими послами.

Аристократы шотландскіе, англійскіе, французскіе присоединились къ промышленнымъ классамъ нѣмцевъ и голландцевъ. Представители разныхъ національностей приносили въ слободу добродѣтели своего племени — благочестіе, предприимчивость и любовь къ семейной жизни, къ порядку и къ плодотворному труду. Почти всѣ были людьми женатыми, семейными; по свидѣтельству Гордона на холостяковъ смотрѣли, какъ на людей безпутныхъ и неохотно съ ними знались. Поэтому дѣвцы не засиживались, вдовы не долго тосковали въ одиночествѣ; даже купеческія горничныя находили жениховъ между офицерами, гордясь своими преимуществами передъ прежними господами.

Когда въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ войны стали распространяться почти по всей Европѣ (Имперія воевала съ турками; Людовикъ XIV съ Англіею и Голландіею), въ Москву стали чаще являться посольства: римскаго императора, голландское, датское, шведское, англійское, польское, бранденбургское. Резиденты и другіе агенты стали пріобрѣтать политическое значеніе. Богатый, образованный, ловкій резидентъ фанъ-Келлеръ занялъ въ слободѣ господствующее положеніе, передъ которымъ, говорятъ, преклонялись сами русскіе. Онъ еженедѣльно посылалъ курьеровъ въ Гагу или Амстердамъ; получалъ свѣжія новости, которыя нерѣдко потрясали всю нѣмецкую слободу. Всѣми уважаемый шотландецъ Патрикъ Гордонъ слѣдилъ за успѣхами Лондонскаго королевскаго общества (Royal Society), выписывалъ новыя сочиненія объ артилеріи, инженерномъ дѣлѣ, о фейерверочномъ искусствѣ, объ атакѣ Вобана. Англичанки и шотландки съ товарами выписывали романсы и національныя поэтическія произведенія.

Уже въ 1678 году Таннеръ нашелъ въ слободѣ каменные дома,

съ комфортабельною меблировкою, правильныя аллеи, клумбы цвѣтовъ, фонтаны на площади.

Въ слободѣ имѣлось нѣсколько школъ, съ учебниками, картами и другими пособіями. Былъ и театръ, были хорошіе артисты и музыканты.

Обыватели слободы умѣли трудиться и любили веселиться. Послѣ свадьбы были и маскарады по нѣсколькимъ днямъ сряду. Дамы собирались въ самыхъ разнообразныхъ національныхъ костюмахъ, при этомъ шотландки съ утонченнымъ профилемъ, нѣмки съ мечтательными глазами, голландки съ румяными, пухленькими щеками. Всѣ онѣ не были похожи на московскихъ затворницъ, недосыгаемыхъ за желѣзными запорами теремовъ. Дамы-чужеземки являлись въ собраніе съ привлекательною улыбкою; «ходятъ съ мужчинами и смѣются, поютъ національныя пѣсни и отдаются въ руки танцоровъ, и всѣ онѣ въ своихъ нарядахъ, стянутыя въ талии, кажутся еще болѣе привлекательными».

Въ нѣмецкомъ кругу замѣчалось болѣе степенности: тамъ процвѣталъ *Grossvateranz*, въ которомъ принимали участіе и старыя члены семейства.

Соберутся въ кружокъ одни мужчины послѣ дневныхъ трудовъ потолковать о событіяхъ дня, о политикѣ, за стаканомъ вина, съ трубками въ зубахъ, и горячій споръ нерѣдко оканчивается ссорю, которая, случалось, оканчивалась дуэлью, о чемъ довольно часто говоритъ Гордонъ въ своемъ «Дневникѣ».

Въ такомъ состояніи была Нѣмецкая слобода, когда Петръ познакомился съ Гордономъ и Лефортомъ, сталъ посѣщать ихъ дома, семейныя собранія, свадьбы, нерѣдко въ сопровожденіи своей компаніи, составленной изъ офицеровъ, сержантовъ и бомбардировъ новоустроеннаго Преображенскаго полка.

Какая противоположность съ тѣмъ, что Петру приходилось видѣть въ домахъ степенныхъ бояръ и представителей высшаго общества Москвы того времени, съ теремами затворницъ. Но къ терему Царь Петръ съ отроческихъ лѣтъ не имѣлъ расположенія...

Посѣщенія Царемъ Петромъ Гордона и Лефорта въ Нѣмецкой колоніи. Цѣль посѣщеній Петромъ Гордона и Лефорта состояла въ ознакомленіи съ представителями иностранной колоніи, съ дѣтства привлекавшей вниманіе юнаго Государя своими обычаями и нравами. «Нѣмецкое оружіе», «нѣмецкая одежда», «нѣмецкіе мастеровые», «нѣмцы доктора» были уже ему знакомы. Ему нужны были еще «нѣмецкіе офицеры» для устройства пол-

ковъ изъ Потѣшныхъ. Онъ желалъ узнать поближе и другихъ представителей слободы, присмотрѣться къ ихъ быту.

Въ эпоху Троицкаго похода, когда установилось новое правительство, въ Царской службѣ было нѣсколько сотъ иноземцевъ, изъ которыхъ едва ли не цѣлая половина жила въ Нѣмецкой слободѣ съ своими семействами. Такъ, во второмъ Крымскомъ походѣ имѣлось пять генераловъ: Гордонъ, Трауернихтъ, Цей, графъ Грагамъ, Менезезъ; около 50-ти полковниковъ, не считая многихъ другихъ, не принимавшихъ участія въ походѣ, затѣмъ начальныхъ людей иноземнаго строя въ чинахъ офшцерскихъ, отъ подполковника до прапорщика, около трети изъ числа 30-ти офицеровъ, положенныхъ въ каждомъ солдатскомъ полку ¹⁾).

Кромѣ того, были отставные или обрусѣлые уже иноземцы, сыновья которыхъ состояли на службѣ.

Кромѣ упомянутыхъ генераловъ, пользовались значеніемъ въ слободѣ въ девяностыхъ годахъ: Георгъ *Лима*, Рудольфъ *Страсбургъ*, Христофоръ *Левенфельдъ*, Георгъ фонъ *Мениденъ*, Симонъ *Зомеръ*, *Роонаръ* (Рунеръ), *Русформъ* и болѣе молодые *Кробурдъ*, *Чамберсъ*, *Цейгъ*, *Вейде*, *Брюсъ* и другіе.

Въ слободѣ жили въ своихъ дворахъ Царскіе доктора: Лаврентій *Блументростъ* изъ Мюльгаузена, семидесятилѣтній старикъ, издавна поселившійся въ Москвѣ знаменитый врачъ, и съ нимъ два сына, Лаврентій и Іоанъ, наслѣдовавшіе искусство отца; Сигизмундъ *Зомеръ* изъ Силезіи, извѣстный хирургъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича и близкій человѣкъ въ домѣ Матвѣева; Захарій фанъ деръ *Гульстъ* изъ Голландіи, домашній врачъ Царицы Наталіи Кириловны и Петра, рекомендовавшей ему Тимермана; Григорій *Карбонарій*, присланный въ началѣ 1689 года цезаремъ Леопольдомъ I по просьбѣ нашего двора; Генрихъ *Кельдерманъ*, сынъ богатаго голландскаго негодіанта, воспитанный за границею; Іоанъ *Термонтъ* изъ Фрисландіи; главный аптекаръ *Гутбургъ*, аптекаръ-алхимистъ Петръ *Шиле*, негодіанты: Тома *Кельдерманъ*, Даніель *Гартманъ*, Янъ *Любсъ*, Елизарій *Избрантъ*.

¹⁾ «Устряловъ», т. II, стр. 110, полагаетъ, что иностранныхъ офицеровъ въ полкахъ иноземнаго строя слѣдуетъ считать половину общаго ихъ числа, но по нашимъ свѣдѣніямъ о числѣ офицеровъ выборнаго Бутырскаго полка въ первомъ Азовскомъ походѣ иностранцевъ было не выше *одной четверти*. «Ист. лейбъ-гренадерскаго Эриванскаго Его Величества полка», т. I, 36, приложение № 3, лит. г. Только полками командовали почти исключительно иноземцы, ротами командовали какъ иноземцы, такъ и русскіе или новокрещенные, принявшіе православіе инородцы и иноземцы.

Золотыхъ дѣлъ мастера: Иванъ *Лефберъ*, *Монсъ* и т. д. Разнаго рода ремесленники и мастера уже давно имѣли сношенія съ с. Преображенскимъ.

Оставались въ слободѣ и пользовались значеніемъ также семейства умершихъ въ русской службѣ генераловъ и полковниковъ: фонъ-Букговена, Крофурда (или Крауфурда), Гамильтона, Росформа, Рунера, негоціанта Марселеса.

Къ приближеннымъ, съ которыми Петръ посѣщаль слободу, относятся: дядька князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ, стольники: Андрей Артемоновичъ *Матюевъ*, Яковъ Ѳеодоровичъ *Долгорукій*, князь Ѳеодоръ Ивановичъ *Троекуровъ*, Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ *Шлещеевъ*, Ѳеодоръ Матвѣевичъ *Апраксинъ*, Гаврило Ивановичъ *Головкинъ*, князь Иванъ Юрьевичъ *Трубецкой*, Автамонъ Михайловичъ *Головинъ*, князь Аникита Ивановичъ *Репнинъ*, Иванъ Ивановичъ *Бутурлинъ* младшій и другіе, бывшіе въ Потѣшныхъ, а потомъ нѣкоторые изъ преображенцевъ, сержантовъ и бомбардировъ ¹⁾. Къ непремѣннымъ посѣтителямъ слободы слѣдуетъ отнести еще: думнаго дьяка Никиту Моисеевича *Зотова*, стольниковъ: князя Ѳеодора Юрьевича *Ромодановскаго* и Ивана Ивановича *Бутурлина* старшаго.

Мы видѣли, что въ первый разъ Петръ былъ въ Нѣмецкой слободѣ 17-го сентября 1688 года, сдѣлавъ визитъ Гордону. Во время Троицкаго похода Петръ приблизилъ къ себѣ стараго генерала и сталъ пользоваться его совѣтами. Въ началѣ 1690 года генераль Гордонъ съ своимъ зятемъ, полковникомъ Страсбургомъ, помогаль Царю въ приготовленіи фейерверка, который былъ устроенъ въ большихъ размѣрахъ на государевомъ дворѣ 26-го февраля. На этотъ праздникъ Царь пригласилъ иноземцевъ съ ихъ семействами, разрѣшивъ имъ стать близко, несмотря на присутствіе обоихъ Царей съ своими супругами, вдовствующей Царицы и нѣкоторыхъ царевенъ. Фейерверки стали любимымъ занятіемъ Петра; въ приготовленіи составовъ принимали участіе зять Гордона, полковникъ Страсбургъ, и сынъ Джемъ (Яковъ) Гордонъ. Старикъ Гордонъ выписывалъ изъ-за границы сочиненія о

¹⁾ Опредѣлить въ точности лицъ, посѣщавшихъ слободу вмѣстѣ съ Петромъ, невозможно. Только о числѣ ихъ можно судить по отрывочнымъ указаніямъ въ «Дневникѣ» Гордона и въ письмахъ въ Женеву родственниковъ Лефорта. Князь Б. А. Голицынъ и нѣкоторые изъ поименованныхъ стольниковъ (А. А. Матвѣевъ, ооа Долгорукіе), какъ мы видѣли, посѣщали Лефорта ранѣе. Posselt, т. II, 69—71.—Gordon «Tagebuch», т. II, L. 330.

пиротехникъ и обыкновенно руководилъ устройствомъ этой потѣхи ¹⁾).

Посѣщенія Петромъ Гордона возобновились съ 30-го апрѣля 1690 года; въ этотъ день Царь у него ужиналъ съ боярами и важнѣйшими царедворцами и былъ очень доволенъ. Послѣ того Петръ иногда заходилъ къ Гордону одинъ, совсѣмъ печально—утромъ, днемъ и вечеромъ ²⁾—или послѣ военныхъ упражненій въ Преображенскомъ, или по возвращеніи изъ Переяславля ³⁾). Однажды, когда Гордонъ заболѣлъ послѣ роскошнаго обѣда у князя Бориса Алексѣевича Голицына, Петръ самъ зашелъ къ нему узнать подробности о болѣзни, а затѣмъ послалъ лѣкарства ⁴⁾). Посѣтивъ Гордона 8-го ноября 1693 года, Петръ взялъ у него три книги объ артилерійскомъ искусствѣ, а Гордонъ бралъ книги у Петра и самъ выписывалъ для него изъ-за границы разные предметы ⁵⁾).

Передъ Кожуховскимъ походомъ, Петръ пришелъ 18-го сентября къ Гордону для осмотра изобрѣтенной имъ довольно замысловатой машины для прорыва непріятельскаго строя; она такъ понравилась Государю, что Его Величество приказалъ сдѣлать ее въ трехъ экземплярахъ ⁶⁾).

Гордону иногда приходилось устраивать у себя приемы для Государя съ царедворцами. Такъ, 2-го января 1691 года Петръ объявилъ Гордону, что на другой день будетъ у него обѣдать и ужинать съ компаніей и останется ночевать. 3-го января къ Гордону явилось 85 человѣкъ гостей, а у стола было 100 человѣкъ прислуги. Къ ночи гости расположились спать «по лагерному» (with a Lager convenience). 4-го января вся компанія обѣдала у Лефорта, которому Гордонъ уступалъ въ способности устраивать пиршества и разныя увеселенія ⁷⁾).

Въ «Дневникѣ» Гордона имѣется достаточно данныхъ, чтобы судить о занятіяхъ его съ Петромъ и участіи его въ главнѣйшихъ предпріятіяхъ Царя со времени пребыванія въ Троицѣ до Азовскихъ походовъ; съ самаго начала онъ уже принадлежалъ къ той

1) Gordon. «Tagebuch», т. II, стр. 305, 331, 333, 394, 395, 399. 2) Gordon «Tagebuch», т. II, стр. 334, 449, 350, 383, 384, 397, 408, 409. 1691 г. 19-го февраля, 1-го и 16-го сентября 1692 г. 5-го и 19-го сентября. 1693 г. 25-го января, 1-го февраля, 12-го и 18-го іюня. 3) «Gordon», т. II, стр. 401. 1693 г. 18-го марта, 4) «Gordon», т. II, стр. 312. 1690 г. 24-го іюля. 5) «Gordon», т. II, стр. 421, 477, 494. 1693 г. 8-го ноября. 1694 г. 24-го августа и 19-го ноября. 6) Gordon, II, 369-384. 1694 г. 18-го сентября. 7) Gordon, II, 329, 330.—Въ это время Лефортъ еще не вошелъ въ силу.

компаніи, которая постоянно составляла общество Петра, причѣмъ на его обязанность главнымъ образомъ возлагалось: руководство ученіями въ Преображенскомъ и маневрами въ окрестностяхъ Москвы, а равно опыты надъ дѣйствіемъ мортиръ. Къ этимъ серьезнымъ занятіямъ онъ былъ хорошо подготовленъ и никто лучше его не могъ сообщить Петру всѣхъ свѣдѣній, относящихся къ военному искусству той эпохи. Борисъ Алексѣевичъ Голицынь зналъ объ этомъ, и въ первые два года Гордонъ былъ почти неразлучнымъ спутникомъ Петра; но старому человѣку трудно было поспѣвать всюду за необычайно подвижнымъ молодымъ Государемъ. Онъ, какъ видно изъ нѣкоторыхъ его писемъ, тяготился своимъ положеніемъ. «Я все еще постоянно при Дворѣ»; «я такъ близокъ къ Царю Петру Алексѣевичу, что бываю у него почти каждый день, но это вводитъ меня въ большія издержки и причиняетъ мнѣ много беспокойства». Онъ надѣялся быть удовлетвореннымъ, «когда младшій Царь станетъ самъ править государствомъ» ¹⁾).

Петръ, однако, старался улучшить положеніе генерала Гордона. 1-го марта 1691 года онъ обрадовалъ стараго генерала подаркомъ въ 1,000 рублей; половину этой суммы Гордонъ получилъ въ разныхъ серебряныхъ сосудахъ, а другую соболями; и то, и другое Гордонъ продалъ. Его зятю Страсбургъ пожалованы въ награду 500 рублей. Вскорѣ послѣ того Гордону подарена была земля подлѣ его дома до р. Яузы. Съ 1692 года Гордонъ сталъ получать добавочныхъ къ окладу жалованья 400 рублей ²⁾).

Въ первый разъ Петръ удостоилъ Лефорта своимъ посѣщеніемъ въ слободѣ 3-го сентября 1690 года. У Гордона записано: «Царь Петръ Алексѣевичъ обѣдалъ у генераль-маіора Лефорта; послѣ обѣда отправился въ Преображенское, гдѣ обучались войска и дѣлались приготовленія къ маневрамъ слѣдующаго дня». А изъ нашихъ источниковъ видимъ, что «1-го апрѣля 1690 г. въ хоромы къ нему, Великому Государю Петру Алексѣевичу, сдѣлано нѣмецкое платье и къ тому дѣлу взято товаровъ у генерала Оранца Лефорта: двѣ цѣвки золота, девять дюжинъ пуговиць, шолку и полотна, накладные волосы» ³⁾. Слѣдовательно, молодой Царь имѣлъ

¹⁾ Gordon. «Tagebuch», III, 259, 260. Письмо Мевереллю въ Лондонъ изъ Москвы 29-го июня 1690 г. ²⁾ Gordon. «Tagebuch», II, 335, 337, 341, 362.—Кромѣ того, Гордонъ пользовался безошлиннымъ провозомъ вина и получалъ въ подарокъ въ разное время бархатъ на платье. II, 292, 296, 300, 356. ³⁾ Приложение IX, п. 1, 1690 г., апрѣля 1-го.

сношенія съ Лефортомъ уже весною 1690 г. Потомъ Петръ былъ у Лефорта 16-го октября, обѣдалъ и оставался до вечера. Затѣмъ эти посѣщенія участились, причѣмъ иногда, вмѣстѣ съ Царемъ, находился и Гордонъ (27-го ноября); случалось, что Петръ оставался у Лефорта почевать (12-го марта) ¹⁾. Въ концѣ 1691 года генераль-маіора Лефорта считали уже первымъ любимцемъ Петра ²⁾. Уроженецъ Женевы, Филиппъ Сенебье, отецъ котораго былъ членомъ Совѣта двухсотъ, былъ радушно принятъ въ Москвѣ Лефортомъ въ іюнѣ 1691 года, опредѣленъ при его содѣйствіи на службу капитаномъ, и въ письмѣ къ матери объяснялъ, что «ему приходится много работать по его порученіямъ». «Здѣсь все дорого, и я долженъ хорошо одѣваться. У меня четыре пары довольно богатой одежды: одинъ красный кафтанъ, другой голубой, обшитый галунами» ³⁾. Въ то же время Бутенантъ писалъ къ матери Лефорта, что, будучи приближеннымъ къ Царю, сынъ ея принужденъ такъ много работать, что ему некогда взяться даже за перо.

Въ мартѣ мѣсяцѣ (20-го) 1692 г. Лефортъ былъ назначенъ командиромъ 1-го выборнаго солдатскаго полка, а въ сентябрѣ произведенъ въ генераль-поручики. По этому поводу Сенебье писалъ въ Женеву: «Его Величество его очень любитъ и дорожить имъ болѣе, чѣмъ другими иностранцами. Любятъ его также и вельможи и многіе иноземцы въ слободѣ... О немъ и о Государѣ говорятъ, что они нераздѣльны. Царь его часто посѣщаетъ и раза два или три въ недѣлю у него обѣдаетъ. Его Величество одѣвается à la française, какъ и Лефортъ. Послѣдній имѣетъ при Дворѣ большую силу. Въ Москвѣ до сихъ поръ никто не пользовался такимъ значеніемъ. Государь дѣлаетъ ему большіе подарки» ⁴⁾.

Собственный домъ Лефорта въ слободѣ, въ которомъ ему приходилось принимать Петра съ товарищами, былъ не великъ. Съ назначеніемъ командиромъ 1-го выборнаго полка, дѣятельность его расширилась. 26-го сентября Лефортъ писалъ своему брату Ами, что къ будущему лѣту онъ надѣется построить красивый каменный домъ, для чего Государемъ даны соотвѣтственныя сред-

¹⁾ Gordon. '«Tagebuch», II, 318, 322, 323, 324, 325, 326, 330, 333, 335, 336, 339.—1690 г. 3-го сентября, 16-го и 25-го октября, 7-го и 27-го ноября и 7-го декабря. 1691 г. 4-го января, 6-го февраля, 1-го и 12-го марта и 7-го мая.

²⁾ Posselt, II, 14. Письмо Бутенанта отъ 12-го декабря 1691 г. ³⁾ Posselt, II, 62. Письмо Филиппа Сенебье къ матери отъ 18-го декабря 1691 г. ⁴⁾ Posselt, II, 63.—См. въ Приложеніи IX, п. 4 о пожалованіяхъ денегъ и матерій на платье иноземцу Лефорту по записямъ Мастерской палаты въ 1691 и 1692 гг.

ства. Для большихъ пріемовъ пришлось построить большую залу. «Зала эта, безъ сомнѣнія, представить большую рѣдкость въ этой странѣ. Ея постройка и меблировка будутъ стоить 12 тысячъ рублей. Въ ней будутъ большія собранія съ дамами для танцевъ». Лѣтомъ 1693 года постройка залы была окончена. Сенебье писалъ 22-го сентября: «Его превосходительство окончилъ постройку большой и красивой залы для пріема 1,500 человекъ гостей. Обстановка роскошная. Все это стоило 14,000 талеровъ. У него (Лефорта) много слугъ, на конюшнѣ 20 прекрасныхъ лошадей, а у воротъ постоянный караулъ въ 12 человекъ». Въ саду рѣдкія растенія, пруды изобилуютъ рыбою, въ паркѣ, разведенномъ за рѣкою Лузою, находятся разныя дикія животныя ¹⁾. Все то, чѣмъ славилось Измайлово при Алексѣѣ Михайловичѣ, и что было разведено въ окрестныхъ рощахъ Преображенскаго дворца—Лебяжей, Оленьей, Березовой—все это въ малыхъ размѣрахъ разводилось въ паркѣ Лефортовской слободы.

На праздники, устраиваемые Лефортомъ, собирались бояре и царедворцы, знатные иноземцы и дамы. Танцы сопровождались фейерверками и пальбою изъ пушекъ. На этихъ пирахъ Лефортъ былъ главнымъ распорядителемъ. Послѣ трехдневныхъ празднествъ, устроенныхъ 1-го, 2-го и 3-го іюля, передъ второю поѣздкою въ Архангельскъ (4-го іюля 1694 г.), Лефортъ писалъ своей матери, что иногда въ теченіе трехъ сутокъ могъ заснуть не болѣе двухъ часовъ...

Домъ Лефорта обратился, такъ сказать, въ общественное собраніе; онъ былъ открытъ постоянно для пріемовъ компаніи; даже въ отсутствіе самого хозяина, всѣ находили здѣсь гостепрѣимство и развлеченіе. Всѣ эти пріемы и угощенія дѣлались на Царскій счетъ.

Короче сказать, Петръ не жалѣлъ денегъ ни на устройство дома Лефорта съ роскошною Царскою обстановкою, ни на его содержаніе, чтобы способствовать сближенію русскихъ съ иноземцами, расположеніе къ которымъ у него возрастало по мѣрѣ сближенія съ ними. Какъ столовая Потѣшнаго городка служила для собранія потѣшныхъ конюховъ, сокольниковъ, пушкарей и мастеровъ въ с. Преображенскомъ, такъ зала при домѣ Лефорта въ слободѣ была мѣстомъ собраній и русскихъ вельможъ съ царе-

¹⁾ Posselt, II, 74, 75, 76. Письма 26-го сентября 1692 г., 12-го мая и 22-го сентября 1693 г., въ мартѣ 1694 г.

дворцами, и офицеровъ Преображенскаго и Семеновскаго полковъ съ своими дамами, и иноземцевъ высшаго общественнаго круга слободы. Изъ числа этихъ иноземцевъ многіе полковники, штабъ и оберъ-офицеры впоследствии служили матеріаломъ для организаціи регулярныхъ полковъ. Признавъ превосходство западно-европейской культуры, Петръ становился охотно ученикомъ голландца Тимермана, шотландца Гордона, женева Лефорта. Последній обучалъ его фехтованію, танцамъ, верховой ѣздѣ и голландскому языку. При посредничествѣ Гордона и Лефорта Петръ знакомился и съ резидентами, посвящавшими его въ политику, и съ купцами, знакомившими его съ условіями и выгодами иностранной торговли, и съ негоціантами. Послѣ назначенія шефомъ 1-го выборнаго полка, Лефортъ испросилъ разрѣшеніе Петра построить для помѣщенія солдатъ въ одномъ мѣстѣ особую слободу, подобно тому, какъ помѣщенъ былъ 2-й выборный полкъ еще при Алексѣѣ Михайловичѣ въ Бутыркахъ. Такъ возникла къ веснѣ 1693 года *Лефортская слобода* на лѣвой сторонѣ р. Яузы, противъ Лефортскаго дома. Еще осенью 1692 г. построено было 500 домиковъ, въ то же время Лефортъ построилъ *Потѣшный дворъ* (une maison de plaisance). «Такъ какъ Его Величество большой любитель (amateur) солдатъ, то часто приходитъ сюда смотрѣть на обученіе мною полка» ¹⁾.

Солдаты Лефортскаго полка, по отзыву современниковъ, сдѣлались «весьма свѣдущими въ употребленіи оружія». Какъ видно, самъ Лефортъ былъ большимъ любителемъ строевой службы и отличнымъ экзерцирмейстеромъ того времени: онъ цѣлые дни проводилъ на плацу, занимаясь обученіемъ солдатъ ружейнымъ приѣмамъ и маршировкѣ. Его очень любили офицеры и солдаты за гуманное обращеніе съ ними; онъ старался приспособить офицеровъ ко всякаго рода дѣлу и «побуждать ихъ къ пріобрѣтенію всѣхъ воинскихъ добродѣтелей» ²⁾.

Лефортъ старался быть полезнымъ во всемъ, что особенно интересовало молодого Петра: принималъ участіе въ устройствѣ фейерверковъ, выписывалъ черезъ брата хорошаго мастера фейерверочнаго искусства (faiseur d'artifices), приглашалъ на Царскую службу врача и инженера, пріискивалъ знающихъ артилерійскихъ офицеровъ; есть свѣдѣнія, что подъ его надзоромъ производилось

¹⁾ Posselt, II, 207. ²⁾ Posselt, II, 208... «für alle militärische Tugenden zu bilden und sie zu jeder Tüchtigkeit anzuspornen».

обмундированіе новоустроенныхъ полковъ изъ Потѣшныхъ ¹⁾. Нельзя сомнѣваться, что Лефортъ, выдвинутый Петромъ на высшую степень военной іерархіи и пользовавшійся неограниченнымъ довѣріемъ молодого Государя, принималъ участіе въ наблюденіи за обученіемъ Преображенскаго и Семеновскаго полковъ. Бутенантъ, Сенебье и племянникъ Лефорта, Петръ Лефортъ, на это намекаютъ въ своихъ письмахъ въ 1693 и 1694 годахъ ²⁾.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Posselt, II, 196, 197, 107. Письма Лефорта къ брату въ Женеву: 26-го сентября 1692 г., въ маѣ 1693 г., въ февралѣ и іюлѣ 1694 г. ²⁾ Posselt, II, 192, 193, 204—208.—Бутенантъ фонъ Розенбушъ писалъ 12-го мая 1693 года въ Женеву: «Полкъ этотъ состоитъ только изъ дворянъ, и у простаго солдата 400 до 500 крестьянъ. Въ этомъ полку 16 тысячъ. Онъ (Лефортъ) очень любимъ солдатами... Солдаты при постоянномъ обученіи сдѣлались очень свѣдущими».—Но въ Лефортовомъ полку, т. е. 1-мъ выборномъ солдатскомъ Московскомъ, не могло быть такихъ богатыхъ солдатъ, какихъ изображаетъ Бутенантъ.